

Колонна шла по горному серпантину, разбрасывая грязь и мелкие камни. Натужно воя мотором, «Урал» вскарабкался на перевал и, тяжело перевалив взгорок, принялся сползать под гору. В который уже раз стукнувшись плечом о стойку кузова и поморщившись, Сашка буркнул себе под нос:

— Да когда ж эта хрень кончится? Остозвездело...

— Сашка, ты чего там бурчишь? — послышался требовательный вопрос старшины роты.

— Да надоело все, товарищ прапорщик, — вздохнул Сашка. — Грязь эта бесконечная. Зеленка. Жара. Дороги эти горные...

Договорить Сашка не успел. Знакомое шипение гранатометного выстрела заставило его одним движением передернуть затвор автомата, во весь голос выкрикивая:

— Духи!

А дальше завертелось. Шедший первым БТР полыхнул пламенем, и колонна встала. От машин горохом посыпались бойцы, а со склона на них обрушилась пулеметная очередь.

«Из „дашки“ садят, — мелькнула у Сашки мысль. — Ствола им не жалко. Да такой очередью его враз посадишь».

Но дальше стало не до размышлений. Закатившись за ближайший валун, Сашка быстро осмотрелся, автоматически отмечая про себя, что почти весь их взвод еще жив. Вон пацаны гранаты готовят. Салаги. Сколько раз твердили: на выходе всё готово должно быть.

И плевать, что не положено. Только старшины почему-то не видно. Заметив мелькнувшую на склоне зеленую повязку, Сашка, не целясь, выпустил в ту сторону пару патронов. Сейчас главное не попасть, а обозначить готовность воевать. Обычно этого хватает. Сообразив, что сразу накрыть охрану не получилось, духи, постреляв, уходят. Затяжной бой не для них. Нет, бывает, конечно, что они начинают переть буром, словно медведь на случку, но обычно это случается, когда их больше и они это знают. А если это обычная, так называемая москитная группа, то в долгую перестрелку не ввязываются. Сашка уже год по этим горам сайгачит. Научился понимать моменты.

Дав еще пару коротких очередей, он перекатился обратно к машине и, напрягая глотку, окликнул:

— Старшина! Товарищ прапорщик! Вы как там?!

В ответ послышался стон, и на задний борт упала окровавленная рука.

— Твою мать! — выругался Сашка, выпуская еще одну очередь. — Пацаны! Старшина ранен. Отходим от машин. Занять круговую оборону!

Командовать он права не имел. Не офицер, и даже не сержант. Но среди всего личного состава он был самый опытный в подобных делах. Вот и пришлось брать на себя то, чего он всегда старательно избегал. Ответственность за других. Да и откуда бы ему научиться той самой ответственности? Сирота приютский. Сколько Сашка себя помнил, всегда жил в приюте. Потом общага, а вот теперь армия.

Хорошо хоть перед самым призывом успел водительские права получить. Хоть какая-то профессия. Хотя ему всегда больше нравилось с железками возиться. Но в их захолустье учили на водителей, на плотников или на крановщиков. Откуда взялся такой набор, он не понимал. Да этого, наверно, и сами чинов-

ники роно не знали. В общем, бери, что дают, и радуйся. А не хочешь, вали в большой город и живи, как знаешь.

Увидев, что сослуживцы его услышали и начали откатываться от дороги, Сашка дал еще пару коротких очередей и, упав на землю, быстро пополз к пристотренному валуну. И плевать, что потом форму отстирывать устанешь. Зато жив. Обстрел начал стихать, и Сашка, уже почти добравшись до валуна, оглянулся. Последнее, что он увидел, летящая в него ручная граната...

* * *

Рядовой полка стрелков Иностранного легиона Александр Мерсье вот уже пятый год топтал землю Африки, мечтая только о том, как вернется в метрополию и займется тем, что ему нравилось больше всего. Ремонтировать автомобили. Эта странная, но очень интересная техника появилась не так давно, но уже начала вытеснять обычные кареты. Увидев такой аппарат в первый раз, Александр словно замороженный полчаса ходил вокруг него, пытаясь понять, что именно заставляет его двигаться.

Заметивший его интерес владелец автомобиля, услышав, что паренек мечтает сам собирать такие, посоветовал ему обратиться в ремонтные мастерские мсье Ленуа. Мэтр буквально на днях жаловался, что ему не хватает рабочих рук. Узнав адрес, Александр отправился в мастерские и уже почти договорился о работе, когда все и случилось. Его настигли. Банда из их приюта, отслеживавшая детвору и подростков. Они работали на управляющего приютом и подчинялись лично ему. Так что любые их действия были заранее им одобрены.

Потом случилась яростная драка, и Александр, схватив с земли камень, не раздумывая опустил его

на голову главаря банды. Вид лежащего в луже крови заводили разом отрезвил остальных. Но перед Александром в полный рост встала новая проблема. Отправиться на каторгу за случайное убийство или бежать куда глаза глядят. Без гроша в кармане. Но мэтр Ленуа, видевший все своими глазами, дал ему неплохой совет. Записаться рядовым в Иностраннный легион. Подписав контракт, Александр окажется неподсуден для любых гражданских властей. А главное, его не смогут достать никакие попечители приюта.

Армия шутить не умеет. И если ты стал ее мясом, то ты или отслужишь контракт, или сдохнешь. Третьего не дано. Понимая, что это его единственный шанс (на тот момент Александру казалось именно так), он бросил в ближайший вербовочный центр.

Дальше была краткая беседа, подпись под контрактом и долгий переезд на пароходе в Северную Африку. И плевать вербовщику было, что Александру всего шестнадцать. Высокий, крепкий, жилистый, он легко смог прибавить себе пару лет. Три месяца так называемой учебы, и перевод в действующие подразделения легиона. И вот уже пятый год он тянул солдатскую лямку в этих богом забытых землях, где нет ничего, кроме песка и кучки дикарей. Спрашивается, зачем вдруг Франции понадобилась эта пустыня? Да здесь ведь ничего не растет. А ее обитатели, туареги, те еще звери. Стоит только зазеваться — и ты в лучшем случае покойник. О худшем даже думать не хотелось.

Александр уже по праву считался ветераном легиона. Три ранения, куча мелких стычек и десятков серьезных боев. Война тут не заканчивалась никогда. Иногда у него складывалось впечатление, что в этих песках все только и делают, что воюют. Он уже даже начал забывать, как это, жить простой, спокойной жизнью. Война превратила его в того, кого называют диким зверем. Все

время начеку, все время ожидающий подвоха с любой стороны. Только такие тут и выживали.

Вот и теперь вначале все шло, как обычно. Его десяток заступил на дежурство, и капрал развел личный состав на наблюдательные посты, которые находились на углах крошечного форта. Теперь ему оставалось только тупо пялиться в пустыню, высматривая любое несоответствие песчаному пейзажу, и быть готовым в любой момент поднять тревогу. Но спустя час из-за бархана вынеслась сотня туарегов на верблюдах и, испуская пронзительный визг, понеслась к форту.

Выхватив свисток, Александр принялся пронзительно свистеть, а потом, вскинув винтовку, выстрелил. Сейчас было не до прицеливания. Главное, обозначить, что он видит противника и готов драться с ним. Сержант, услышав трель свистка и выстрел, принялся отдавать команды громовым голосом, но туареги, словно обезумев, неслись прямо под стены форта.

Виртуозно управляя верблюдами, они свернули у самой стены и понеслись вдоль нее, продолжая визжать и пуская стрелы. Понимая, что противник находится в мертвой зоне, Александр оставил вместо себя молодого бойца и, скатившись по лестнице во двор, подбежал к сержанту.

— Сержант! Боюсь, они собираются атаковать ворота, — выпалил он, едва остановившись.

— Да что ты говоришь? А я, дурак, и не догадался, — фыркнул тот.

— Сержант, прикажите выкатить одно орудие к воротам, — не уступал Александр.

— Вот ты его и выкатишь, — рявкнул сержант. — Бери троих солдат, и перекачивайте вон то орудие вот туда. Порох и ядра знаешь где. Всё, солдат. Действуй.

— Слушаюсь, — выдохнул Александр и, окликав ветеранов из своего десятка, понесся к пороховому складу.

Они едва успели перекатить орудие и навести его на ворота, когда через стену полетели глиняные горшки с какой-то горючей гадостью. Во дворе форта воцарился настоящий ад. Но бойцы легиона продолжали отбиваться. Очень скоро от дыма и копоти в форте было не продохнуть. Стволы винтовок раскалились так, что их стало опасно заряжать, но они все еще держались. А потом раздался взрыв. Что это было, Александр так и не понял. Помнил он только одно: тяжкий грохот, от которого содрогнулась сама земля, и неожиданно долгий полет, закончившийся сильным ударом. А потом все вокруг померкло.

* * *

Твою мать! Больно-то как... Сашка попытался открыть глаза, но, вместо хоть какой-то картинки получил очередную порцию боли. У парня было такое ощущение, что ему мозг вместе с глазами рыболовным крючком вынимают. Кусочками. Машинально попытавшись пошевелиться, он краем сознания понял, что не ощущает тела.

«Только этого не хватало, — мелькнула мысль. — Неужели хребет сломан? Нет, только не это. Всю оставшуюся жизнь овощем лежать и под себя гадить, это не для меня. Лучше сдохнуть».

Но тут, вместе с головной болью, появилась и боль тела. Казалось, что по нему каток ездит. Болело буквально всё. Ныли даже те мышцы, о существовании которых Сашка и не подозревал. Не удержавшись, он застонал. Сквозь звон в ушах он неожиданно расслышал рядом какую-то возню, потом чьи-то грубые руки приподняли ему голову, и в губы что-то ткнулось. Потом в рот полилась вода. Теплая. Затхлая. Но удивительно вкусная. Именно так ему тогда показалось.

Закашлявшись, Сашка с грехом пополам сделал пару глотков и снова закашлялся. Кое-как отдышавшись, он вдруг сообразил, что дышать стало легче. Потом понял, что и боль немного отступила. Сделав очередную попытку открыть глаза, Сашка сквозь выступившие слезы рассмотрел склонившегося над ним человека с усадой физиономией в грязно-белом халате, старше средних лет. Точнее он определить не смог. Да и не интересно было.

На тот момент Сашку больше интересовало его собственное состояние. Судя по тому, как с ним обращались, позвоночник остался цел. На это его познаний в медицине хватило. Осталось выяснить, что же с ним на самом деле. Разлепив непослушные, словно резиновые губы, Сашка попытался заговорить, но вместо слов изо рта вылетело какое-то сипение. В ответ раздалась какая-то тарабарщина, среди которой Сашка четко слышал одно-единственное знакомое слово:

— Мерд!

«Не понял. А при чем тут французский? — удивленно подумал парень. — Ведь по-французски это — дерьмо. Их излюбленное ругательство. Я же помню, во всех книжках так писали. Меня что, в плен взяли? Или это Красный Крест? Блин, что тут вообще происходит?»

Мысли текли вяло, но от них почему-то хотелось завывать. Отдышавшись, Сашка попытался сфокусировать взгляд на стоящем у кровати человеке в белом халате. Видеть лучше от этого он не стал, но вдруг понял, что смотрит на мир одним глазом. Второй что-то закрывало. Между тем разговор рядом возобновился, и после короткого спора носитель халата снова приподнял Сашке голову. Кое-как напив парня, он развернулся и широким шагом вышел из помещения.

Во всяком случае, Сашке показалось именно так. Понимая, что возиться с ним никто не собирается,

парень заставил себя расслабиться и попытался вспомнить все, что с ним было. Убедившись, что до разрыва гранаты помнит все случившееся, Сашка немного успокоился и неожиданно для самого себя уснул. Проснулся он от простого и естественного желания. Мочевой пузырь был переполнен. Понимая, что еще немного и случится конфуз, парень сделал попытку подняться и тут же свалился, скрученный очередным приступом боли.

— В чем дело, приятель? Тебе что-то нужно? — слышалось рядом.

— Да. В туалет, — прохрипел Сашка, даже не отдавая себе отчета, с кем говорит.

— Тебе отлить или серьезно?

— Отлить.

— Сейчас. Вот, подсунь себе и поливай, — в руку ткнулся какой-то странный предмет. — Надеюсь, сам справишься. Извини, но тут не госпиталь святой Женевиевы и сиделок нет.

На ощупь определив, что это обычная больничная «утка», Сашка кое-как уложил ее и едва успел направить струю по назначению. Это было блаженство. Облегчившись, он попытался достать «утку», но руки были еще очень слабыми.

— Да, приятель, похоже, самому тебе не справиться. Ладно. Давай, — слышалось рядом, и чья-то рука отобрала у него «утку».

— Ты кто? — спросил Сашка, дождавшись, когда приступ боли отступит.

— Такое же мясо, как и ты, — слышался ироничный ответ. — Словил стрелу в локоть, потом рана начала гнить. В общем, теперь я одорукий инвалид.

— Я вообще-то хотел имя твое услышать, — нашел в себе силы хмыкнуть парень.

— Жак. Жак Полен. А ты кто?

— Александр, — выдохнул Сашка и снова потерял сознание.

В третий раз он очнулся, когда услышал рядом с кроватью странный разговор. Помня, что резкие движения ему противопоказаны, Сашка остался недвижим, решив послушать, о чем спорят эти двое. Разговор оказался весьма содержательным. Владелец сочного баритона наседавал на своего собеседника, отвечавшего ему почтительно, но непреклонно.

— И вы хотите сказать, что эти симулянты не могут выполнять свой долг?

— Полковник, при всем уважении, но в этой палатке нет симулянтов. Вон там лежит солдат, потерявший руку. Вот здесь человек без ноги. А вот это очень тяжелая контузия, да еще и лицо изуродовано осколком. Не уверен, что он вообще выживет.

— Да плевать мне на его рожу, — зарычал тот, которого называли полковником. — Меня интересует только одно. Когда он сможет встать в строй?

— Боюсь, никогда.

— Вы издеваетесь, доктор?! — возмущению полковника не было предела. — Чтобы солдат не смог служить, получив по башке?

— Этот человек очнулся только вчера. А привезли его неделю назад. Чем обернется его контузия, я даже предположить не возьмусь. Я хирург, а не психиатр.

— Хотите сказать, что он свихнулся? — насторожился полковник.

— Мсье, мозг человека еще слишком слабо изучен. Медицина не точная наука, и что с ним будет дальше, я даже предполагать не возьмусь. Все в руках Божьих. Вполне возможно, все обойдется. А может произойти так, что с ним будут случаться приступы агрессии. Или при резких звуках он начнет забывать обо всем и будет просто кататься по земле, воя от боли в голове.

— Дьявольщина! Доктор, вы можете мне сказать хоть что-то хорошее, или у вас нет никого, кто может быть мне полезен?

В голосе полковника прозвучали злость и разочарование. Но воинственный тон он явно сбросил.

«Полковник Жофрей. Или мясник Жофрей. Только он способен гнать в строй людей, едва начинающих вставать на ноги после ранения». Эта мысль мелькнула у Сашки так неожиданно, что парень невольно вздрогнул.

— Не в этой палатке, полковник, — услышался ответ. — Здесь лежат только тяжелые. Те, кого я буду вынужден списать, несмотря на все ужимки наших доблестных тыловиков.

— Тогда какого дьявола мы тут делаем?

— Ну, вы же не пожелали дождаться, пока я закончу операцию, и решили провести инспекцию сами, — в голосе врача послышалась неприкрытая усмешка.

— Откуда вообще взялся этот контуженый? — мрачно поинтересовался полковник.

— Привезли из форта. От взвода выжило только трое. Двоих мы уже похоронили. Этот последний.

— Ах да. Взрыв порохового склада. Проклятье! Там даже от самого форта ничего не осталось. Как он вообще выжил?

— Понятия не имею. Его привезли неделю назад. Едва живого. Я сделал все, что смог, но контузия не лечится хирургическими методами. Но вчера он очнулся. Что будет дальше, не знаю.

— Что ж. Пожалуй, вы правы. Списывайте эту шваль. Мне не нужны солдаты, с которыми нужно разговаривать только шепотом. Документы я подпишу. Думаю, пара инвалидов не сильно обременят казну ме-

трополии. А теперь я прошу вас показать мне тех, кто мне нужен.

— Прощу за мной, полковник, — слышалось в ответ. И спорившие вышли.

— Мясник поганый, — слышалось злое шипение из угла. — Эта тварь нас за людей не считает.

— Дай воды, — вздохнув, попросил Сашка и поперхнулся, сообразив, что сказал.

Точнее, не что, а как. Фразу эту он произнес на французском. Причем так, словно всю жизнь говорил на этом языке. Слышались шаркающие шаги, и в ладонь парня сунули кружку.

— Помоги, — попросил Сашка, вообразив, что сам не справится.

— Извини, приятель, но у меня только одна рука, — услышал он в ответ.

— Голову подними, дальше сам попробую, — нашелся Сашка.

Постанывая от напряжения и боли, он кое-как дотащил руку с водой до лица и принялся пить, проливая воду себе на грудь.

— Да, приятель. Похоже, не скоро ты сможешь на ноги встать, — вздохнул поивший его солдат, понаблюдав за мучениями парня.

— Жак, если я правильно помню? — отдышавшись, спросил Сашка.

— Смотри-ка, запомнил, — удивленно хмыкнул солдат. — Я уж думал, ты помер. Только что говорил, и вдруг уже без сознания. Потом присмотрелся, а ты спишь.

— Прости, Жак. Ты не мог бы говорить потише? — собравшись с духом, попросил Сашка. Голос солдата отдавался в висках болью.

— Хм, извини. А наш коновал не так и прост. Правильно сказал, что у тебя будет голова болеть от громких звуков.